

КАМЕШКИ НА ЛАДОНИ

Владимир Солоухин

Любимый российским читателем Владимир Алексеевич Солоухин (1924–1997) — уроженец Владимирской земли. Всем своим творчеством он был связан с ее трудами и днями, образы природы земли Владимирской встают в его книгах. Будь то страницы прозы или поэзии — мы разделяем с ним его зоркость к жизни и любовь к отчему краю. Он был по-житейски прост и понятен в своих размышлениях о духовной сути современника и сумел показать лицо наших дней. Об этом — его книга «Камешки на ладони», отрывки из которой мы предлагаем читателю.

Чтобы любить и защищать родную культуру, достаточно, может быть, родиться в своей стране, среди своего народа и, так сказать, впитать национальные чувства с молоком матери.

Чтобы любить и защищать культуру другого народа, нужно обладать самому высокой и широкой культурой.

Чтобы защищать и сохранять свою культуру, достаточно быть русским, грузином, немцем, итальянцем, испанцем... Чтобы сохранять культуру другого народа, надобно быть не меньше, чем человеком.

Любовь к Родине и само чувство Родины возникает и сотворяется по мере проникновения в ту культуру, в ту сокровищницу понятий и чувств, преданий и сказок, песен и языка, поэм и архитектуры, легенд и старины, городов и подвигов, которые Родина сотворила за все предшествовавшие века своего существования, своей истории.

Сеять разумное, доброе, вечное, конечно, нужно, но только хорошо бы следить, чтобы семена были протравлены, иначе с семенами можно привнести в души людей грибок скепсиса, цинизма, иные плевелы, которые через некоторое время, как и каждый сорняк, прорастут и заглушат добрые всходы.

Отними у меня Пушкина, и я уже буду не я.

У нас в селе раньше были колодцы. На сорок домов их было восемь. Все знали, в каком колодце вода похуже, в каком лучше, мягче.

Потом пробурили скважину и от нее провели по селу водопровод. Не в дома пока, а просто поставили несколько уличных водоразборных колонок. Строго говоря, особого преимущества я тут

не вижу: все равно надо ведь ходить за водой, а не просто отвернуть кран. Ну, может быть, чуть ближе, чем на колодец. Зато нельзя выбрать себе воду по вкусу, приходится брать, какая есть. Вода во всех колонках одинаковая... И вода эта не очень хороша: пахнет железом, ведро от нее покрывается изнутри красным налетом.

Ранним летним утром я купался на речке... Солнце еще косое, тени

длинные, вода в речке хрустальная, черная от глубины, кувшинки желтые. Одним словом, летнее утро на берегу речки.

Вдруг вижу, идет от села и дальше через речку с двумя ведрами Иван Андреевич Громов. Поздоровались, он остановился.

— Куда это вы, по грибы, что ли? Так никогда я не видел, чтобы по грибы сразу с двумя ведрами ходили.

— Какие грибы? За водой.

— За водой?! Куда?

— А вот родничок там в овражке есть, на Медведке.

— Такую даль? Километра два наберется. Да еще гора крутая на обратном пути...

— Что сделаешь?

— Как что? У вас же колонка под самыми окнами.

— Нет, Лексеич, я большой любитель чаю попить, так разве можно той водой чай заваривать? Ее вон в банку нальешь, на дне ржавый осадок на целый палец. Чай получается мутный, о вкусе и говорить не приходится. А тут родник. Банку-то нальем, воды не видно, как будто ее и нет. А той водой разве можно чай заваривать?

— Так все же заваривают. Одни вы, наверное, такую даль за водой ходите.

— Ну и что, пусть заваривают. Это их дело. Каждый живет как может. А я вот на родничок...

Много ли их останется лет через десяток-другой?

Мы отремонтировали мой родительский, дедовский дом. Весь старый скарб и всю утварь и мало ли что накопилось по углам, чуланам, шкафам и полкам, молодая новая городская хозяйка (моя жена) велела сложить в кучу на огороде и сжечь. Сложить сложили, но сжечь сразу не удалось.

К вечеру (не помню уж зачем) понадобилась какая-нибудь удобная емкость. Мы вытащили из кучи медную ендову и внесли опять в дом.

Понадобилась грубая жесткая щетка. Нашли в скарбе щетку, которой некогда дед чистил лошадь, и вернули домой. Понадобилось шепать лучицу — отыскали старый косарь... Деревянное корытце — рубить студень или грибы на грибную икру, лоток, решето (заменившее вдруг дуршлаг), мутовка — постепенно за две недели многое понадобилось в хозяйстве, и почти вся куча перекочевала опять в дом.

Что главное с точки зрения живописного, колористического решения в рублевской «Троице»? Сочетание голубого и золотистого. Это васильки и рожь или небо и рожь. И того и другого, конечно же, нагляделся Рублев на Руси.

Родная природа для нас не только то, что невольно видит и воспринимает взгляд. Дело в том, что мы постепенно прошли хорошую школу понимания и восприятия родной природы. Воспринимаемая и любя ее, мы приводим в движение эмоциональные резервы, накопленные нами при чтении русских писателей и поэтов, при слушании русской музыки и при созерцании картин живописцев.

Как понимать сочетание традиций и новаторства? Как понимать сочетание корней и листьев одного дерева, как понимать сочетание истоков и устья одной реки, как понимать сочетание подножия и вершины одной горы?

Величие архитектуры вовсе не в размерах, не в количестве этажей. Трехэтажный или даже двухэтажный дворец может быть величественнее стоэтажного небоскреба.

Лебедю для того, чтобы казаться величественным, незачем быть величиной с носорога или слона.

Есть ведомства по разработке и добыче полезных ископаемых, по строительству дорог, по сельскому хозяйству, по электрификации, по легкой и тяжелой промышленности... Но нет ведомства по внешнему виду страны (земли), по ее опрятности, прибранности, одухотворенности. Думаем о прочности сооружений, о характере и объеме земляных работ, о количестве древесины, о центнерах и ку-

бометрах, но не думаем о том, а как это будет выглядеть? Как это будет выглядеть не только само по себе, но и в сочетании с местностью, в согласовании с традициями и с проекцией в будущее.

Памятники литературным героям существуют. В Копенгагене есть знаменитая андерсеновская русалочка, в Америке есть памятник Тому Сойеру, кажется, увековечены в бронзе или камне Дон Кихот и Робинзон Крузо...

Я задумался: кому из героев русской классической литературы наиболее естественно воспринимался бы памятник? Печорину? Дубровскому? Кому-нибудь из героев Толстого? Гончарова? Анне Карениной? Вере из «Обрыва»? Пьеру Безухову? Наташе Ростовоу?

Нет. Наиболее естественно воспринимался бы (и жалко, что его нет до сих пор) памятник пушкинской Татьяне. Ну там на парковой скамейке с книжкой в руках или пишущая письмо...

Неужели торжественное слово «потомки» всего-навсего от обыденного слова «потом»?

Народ не механическое соединение миллионов человек. Такое скопление людей было бы не способно ни к какому историческому действию. Народ — это то, что создал за всю свою многовековую историю и что, в свою очередь, создало, цементировало его сложной системой исторических и нравственных идеалов.

Зачем всякое явление в природе мы сравниваем с предметами исторического обихода: роса — как бриллианты, ландыш — серебристый, закат — золотой? Я бы сравнивал наоборот: бриллианты — как роса, серебро — похожее на лунный блеск, золото — словно закатное море или небо.

Попытка поставить искусство в зависимость от расщепления атомного ядра. Но расщепляется атом, а не душа человека. Когда начинается расщепление человеческой души, искусство погибнет.

Если сто лет назад поэт мог созерцательно говорить, что земля прекрасна, то в современной поэзии всегда за этими словами стоит тень. Всегда подразумевается, что прекрасная земля может превратиться в голый, обугленный камень.

Искусство — как поиски алмазов. Ищут сто человек, а находит один. Но этот один никогда не нашел бы алмаза, если бы рядом не искали сто человек.

